

«ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО»: (РУССКОЕ) СЛОВО В КОНЦЕПТОСФЕРЕ ПОВЕСТИ В.РАСПУТИНА «ДОЧЬ ИВАНА, МАТЬ ИВАНА»

Анализируется экспликация концепта (русское) слово в последней повести В.Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана». В концептосфере этого произведения толкование «слова» преломляется через призму лингвокультурологического и теoантропокосмического подходов к интерпретации данного концепта и рассматривается как Слово-Логос, т.е. первоисточник всего сущего, истинного и значимого (духовного). В интересе к (русскому) слову, в возвращении к нему мыслится обращение к созидательной деятельности и, как результат, возрождение русской земли.

The paper analyzes lexical manifestations of the concept «the (Russian) word» in the last novella by V.Rasputin. The conceptual framework of the book utilizes the linguistic-cultural and teo-anthro-cosmic approaches to interpret the concept and presents it as Logos, the origin and roots of everything that constitutes existence and the supreme truth. It is the interest to the (Russian) word, return to it that is thought to generate creative activity and, as the result, resurrection of the Russian soil.

В.Гумбольдт рассматривал язык как духовную реальность, творческую по своей природе. Творческая природа языка тесно связана с мышлением отдельного носителя языка и всего народа в целом. По Гумбольдту, язык – это не только *ergon*, продукт, результат, но и *energia*, деятельность духа, путь обретения истины, взгляд на мир. В антропологической концепции В.И.Постоваловой духовность тоже может рассматриваться как трансцендентально-синергическая категория: «...духовное в человеке отождествляется с трансцендентальным началом – действием в человеке Святого Духа, а также различных духовных сущностей» [1, с.31], т.е. с действием-творением «Слова». Именно так и понимается слово в художественной картине мира Валентина Распутина. Его слово – это Слово-Логос – источник, начало, *корни* всего сущего и *истинного*. В интересе к (русскому) слову, в возвращении к нему мыслится обращение к *созидательной* деятельности и, как результат, *возрождение* русской земли.

Материалом для анализа экспликации концепта (русское) слово послужила последняя повесть В.Распутина «Дочь Ивана,

мать Ивана». В центре повести – обычная современная семья, ищущая нравственную опору в хаотичном постсоветском экономическом, политическом и культурном пространстве, пытающаяся осмыслить и объяснить происходящее. На уровне текста раскрывается авторское видение проблем современного российского общества, предпринимается попытка объяснить их истоки и наметить возможные варианты выхода из создавшегося положения. Выход этот видится в обращении молодого поколения к русскому слову, через него – к традициям предков, к русским корням. Слово заряжает творческой энергией, именно в нем коренится прочность русского человека и созидательный потенциал русского народа.

Сын главной героини, девятиклассник Иван размышляет о своем будущем: «Французский понадобится, конечно, меньше, чем английский, и к английскому когда-нибудь придется вернуться, но сегодня английский – это для сбитого с толку поколения загон, где ему помогут расстаться с родной шерсткой» [2, с.58]. Не *свои* языки противопоставляются *родному* и ассоциируются с несвободой и искажением истины. Эта же мысль под-

черкивается в разговоре с матерью: «Иван хмыкнул:

– Да ведь и служить, и учиться, и жениться тоже надо с умом.

– Ум в самой жизни... как живешь. А не в словах.

– Вот мы свои слова-то и отдали кому попало. Теперь слушаем чужие» [2, с.87-88]. (Отметим что эта трактовка перекликается с мифологической гипотезой происхождения языка, объясняющей языковое многообразие тем фактом, что «язык воспринимается носителями как средство замыкания своего культурного пространства и отделения его от чужого, ... то есть здесь находит реализацию глобальная дихотомия мифологического мышления: "свое-чужое"» [3, с.5-6].)

Но вернемся к размышлениям Ивана. Сразу же за рассуждениями о языках автор неслучайно упоминает совсем недавнее увлечение своего героя. «Его, впрочем, и увлечением назвать нельзя, оно сразу показало себя не пустым занятием, а интересом, за которым открылся совсем рядом лежащий потайной и увлекательный мир» [2, с.59]. Это увлечение – поиск своеобразной этимологии русских слов, собственное истолкование их смысла и объяснение с их помощью окружающего мира. Здесь слово понимается как когнитивная категория, как нечто, содержащее комплекс понятий об окружающей действительности и фиксирующее определенный этап знаний о мире. Для Распутина, таким образом, русское слово несет в себе представление о коренном и значительно важном для русского народа. Причем это значительно важное *уже дано* нам в языке, но может быть скрыто, заслонено *чужим*, временным, преходящим, надо только *разбудить* его, отделить, как зерна от плевел, и оно *оживит, насытит, утешит*, согреет душу, укажет путь. Оно – *истина* и *добро*, оно *наполняет смыслом*. Во всяком случае именно так подумал-почувствовал Иван:

«Из невольной вины перед заброшенным ... увлечением он взял с собой из дому на всякий случай книгу пословиц русского народа и церковно-славянский словарь. И на всякий же случай из того же чувства вины

на третий или четвертый день раскрыл словарь. Полистал, вслух повторяя осторожно и трогательно, словно пробуя на вкус и боясь испугнуть: *лепота, вельми, верей, чресла, навет, золотозарный, светосиянный*... и откинулся в изнеможении: что это? Если бы отыскался человек, воспитывавшийся в глухом заточении и никогда не слышавший слов: *мама, люблю, дорогой, спасибо*, никогда от рождения не ведавший ласки и не насыпавший под колыбельную, он бы их тотчас понял и узнал при встрече, потому что и не жил без них, все ждал и ждал, когда прикоснется к нему волшебная палочка их звучания и оживит его. Иван точно клавиши перебирал, и дивная музыка узнавания звучала в нем мягкими и торжественными аккордами. Все эти слова, все понятия эти в Иване уже были, их надо было только разбудить... все-все знакомое, откликающееся, давно стучащееся в стенки... Сколько же в нем, выходит, немого и глухого, забитого в неведомые углы, нуждается в пробуждении! Он как бы недорожденный, недораспустившийся, живущий во тьме и согбенный. ...

Нет, этого нельзя оставлять на задний план, в этом, похоже, и коренится прочность русского человека. Без этого, как дважды два, он способен заблудиться и потерять себя. ... И сдаться на милость исчужа заведенной жизни. Но когда звучит в тебе русское слово, издали-далеко доносящее родство всех, кто творил его и им говорил; когда великим драгоценным завромом, никогда не убывающим и не теряющим сыта, содержится оно в тебе в необходимой полноте, всему-всему на свете зная подлинную цену; ... когда безошибочно знает оно, в какие минуты говорить страстно и в какие нежно..., и как напитать душу ребенка добром и как утешить старость в усталости и печали – когда есть в тебе это всемогущее родное слово рядом с сердцем и душой, напитанными родовой кровью, – вот тогда ошибиться нельзя. Оно, это слово, сильнее гимна и флага, клятвы и обета; с древнейших времен оно само по себе непорушимая клятва и присяга. Есть оно – и все остальное есть, а нет – и нечем будет закрепить самые искренние порывы» [2, с.174-175].

Сделав эти выводы, Иван решает «искать настоящего дела. Ему хотелось поправить себя: не просто дела, а деятельности...» [2, с.177]. Отслужив в армии, он уезжает строить церковь в село, недалеко от которого «лежала-бедовала родная деревня» его отца и матери (обращает на себя внимание также и отфольклорная форма «лежала-бедовала» в сочетании с прилагательным «родной», напоминающее о возвращении к народным корням, понимание важности и необходимости которого пришло через интерес к слову).

Как видим, «слово» в концептосфере последнего произведения В.Распутина преломляется через призму лингвокультурологического (слово как экспликатор народной

ментальности) и теoантропокосмического (слово как носитель духовности и творческого потенциала) подходов к интерпретации этого концепта и обращается как к рациональной, так и к эмоциональной сфере человека. В авторской концепции слово видится первоисточником духовности и созидания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Постовалова В.И.* Лингвокультурология в свете антропоцентрической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // *Фразеология в контексте культуры*. М., 1999.
2. *Распутин В.Г.* Дочь Ивана, мать Ивана. М., 2004.
3. *Сулименко Н.Е.* Слово в контексте гуманитарного знания. СПб, 2002.